

Генезис

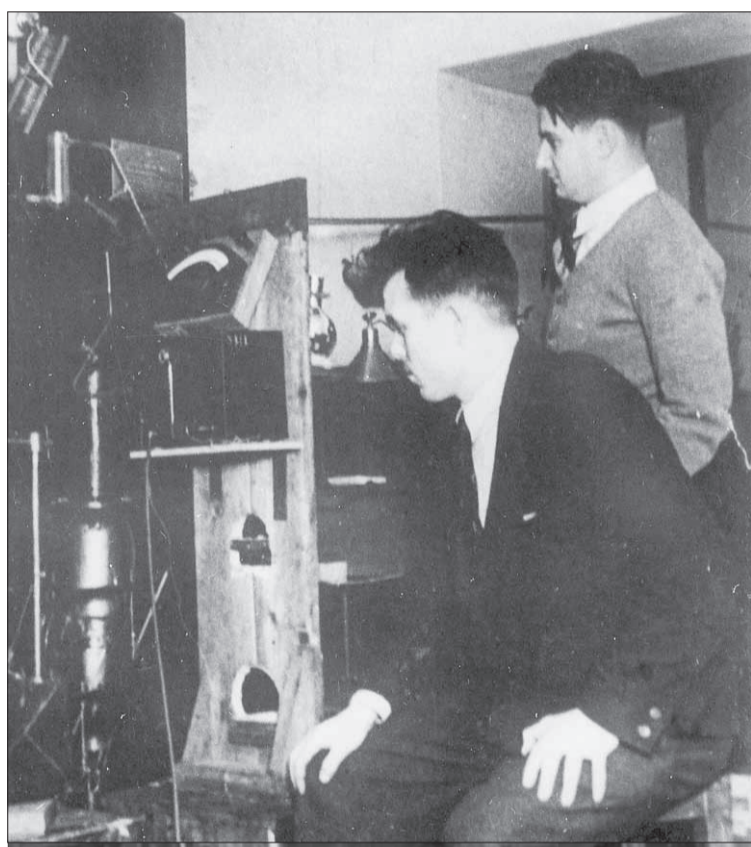

Корпус № 1, в котором стоит первый дубненский ускоритель

Хорошо известный в мире город физиков Дубна получил статус города летом 1956 года, вскоре после образования Международного научного центра стран социализма. Два уже существовавших в научном городке института стали краеугольными камнями Международного центра. Оба института были «заточены», как сказали бы сейчас, на физику высоких энергий, и оба обладали первоклассной по тем временам экспериментальной базой. В одном близилось к завершению строительство крупного ускорителя с рекордной энергией пучка протонов 10 ГэВ, в другом уже несколько лет работал ускоритель на 680 МэВ (также рекорд для начала 50-х годов).

История первого дубненского ускорителя, долгое время оставшегося в тени знаменитого синхрофазотрона, восходит к письму И. В. Курчатова, направленному Берии, в котором научный руководитель советского атомного проекта обосновывает необходимость создания крупного исследовательского ускорителя.

Оцените обстановку, в которой это предлагалось. Страна, только что вышедшая из Великой Отечественной войны, оказалась перед новой задачей – созданием собственной ядерной бомбы. После бомбардировок японских городов Сталин сказал Курчатову: «Просите всё, что нужно, отказа не будет». На бомбу работали знаменитая Лаборатория № 2 (будущий Курчатовский институт), Лаборатория № 3 (будущий ИТЭФ), Радиевый институт в Ленинграде, Физико-технический институт в Харькове (Лаборатория № 1) и многие другие. Надо было построить заводы по обогащению урана, наладить производство сверхчистого графита, разработать промышленную технологию извлечения плутония из урановых блоков, построить ядерный реактор, открыть новые месторождения урана и начать их разработку. Фактически предстояло создать новую

Ленинград. Радиевый институт. И. В. Курчатов и его аспирант М. Г. Мещеряков

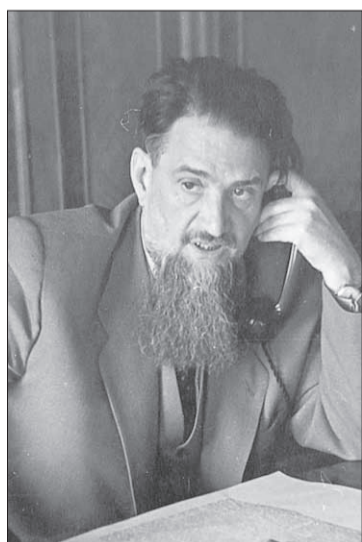
промышленность. И за четыре года такая промышленность была создана.

А пока – самое начало 1946 года. Не построен еще ядерный реактор для накопления плутония, не открыты урановые месторождения, нет заводов по разделению изотопов, не закончена разработка технологии извлечения плутония из урановых блоков. Казалось бы, время ли строить большой исследовательский ускоритель, практическая польза от которого по меньшей мере проблематична? Но... «Просите всё, что нужно, отказа не будет». И отказа не было. К тому же Курчатов придерживался принципа: всё, что есть у американцев, должно быть у нас, и даже лучше.

Вопросы тогда решались быстро. О той вертикали власти, которая была тогда, нынешняя власть может только мечтать. После двух-трех заседаний Спецкомитета и резолюции Сталина правительственная комиссия приняла решение о строительстве уско-

рителя, и тогда же было определено место.

Место строительства выбрал Берия. М. Г. Мещеряков, научный руководитель строительства ускорителя, рассказывал, что место было выбрано из следующих соображений: оно достаточно близко к Москве с ее научно-техническим потенциалом. И достаточно далеко, что немаловажно с точки зрения безопасности. По каналу Москва – Волга сюда можно подвозить тяжелое оборудование. Рядом – Ивановская ГЭС, стабильный источник питания. Нет автомобильной дороги? Проложим. Разобрана железная дорога от Вербилко до Большой Волги? Восстановим. А главное – медвежий угол, некуда бежать. А побег, заметим, были.

И. В. Курчатов

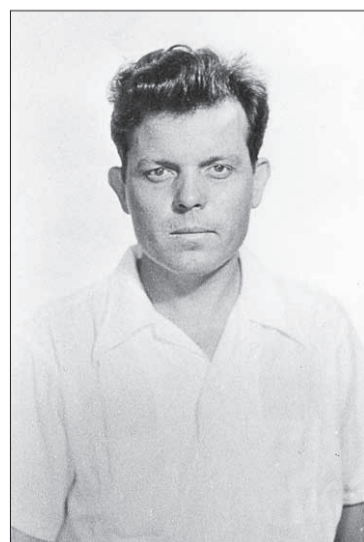
Строителей беспокоила заброшенность местности. Будущий академик А. Л. Минц сомневался в прочности грунта. Были и другие сомнения. Все сомнения Берия развеял риторическим вопросом: вы не верите в советскую власть?

В 20-х числах августа начальник строительства генерал-майор А. П. Лепилов, строивший

во время войны авиационные заводы под Куйбышевым, выехал в район деревеньки Ново-Иваново, рядом с которой было намечено строительство. Через четыре месяца начал быстро расти лагерь заключенных, основная рабочая сила.

А будущий научный руководитель строительства в это время был в Америке и, вероятно, ничего не знал. Из воспоминаний М. Г. Мещерякова (близко к первоисточнику): тусклый голос в телефонной трубке сообщил: «Вы приглашаетесь на собеседование. Через полчаса к вашему дому будет подана машина». Действительно, через тридцать минут – звонок в дверь. Машина на подъезде. Могу я проститься с семьей? Вежливый ответ: «Можете, но вы можете сделать это и позже». Поездка проходит в полном молчании. Машина останавливается у ничем не примечательного здания в центре города. МГ оставляют одного в комнате, советуют снять верхнюю одежду. «Жду, – рассказывает Михаил Григорьевич. – Входит пожилой человек в жилетке, просит встать. Достает из кармана сантиметр и начинает меня обмерять. Постепенно прихожу в себя, начинаю понимать, что я у портного». Действительно, через какое-то время человек выносит костюм, и после примерки МГ приглашают на собеседование, по окончании которого он узнает, что его командируют в Америку.

Это конец мая 1946 года. В Америке полным ходом идет подготовка к показательным испытаниям двух ядерных бомб; шоу планируется провести на Маршалловых островах в атолле Бикини. 12 держав мира, в их числе Советский Союз, приглашены на испытания – по два наблюдателя и по одному представителю прессы от каждой страны.

М. Г. Мещеряков. 1946 год, США

Михаил Григорьевич, а ему в это время неполных 36 лет, пройдя инструктаж, получив в секретариате необходимые документы, деньги и пакет с новым костюмом, летит в Париж, оттуда, через океан, – в Нью-Йорк, а затем, через всю Америку, – в Сан-Франциско, откуда пароходом – к Маршалловым островам в Тихом океа-

не. Ему и в голову не пришло отказываться – ведь костюм уже сшит! После испытаний он рассчитывал вернуться домой. Там, в другом полушарии, в Ленинграде на улице Рыбацкой его ждали жена и маленькая дочь; приближалась осень, а вместе с ней дожди, скоро начнется течь крыша, и надо ее чинить, пора заготовлять дрова на зиму... Но его оставляют работать в Комиссии ЮНЕСКО по атомной энергии.

Он вернулся только в феврале 1947 года и сразу узнал о новом назначении. Тогда это было в порядке вещей. Человек не принадлежал сам себе. Иногда приходится слышать, что Берия покровительствовал МГ. По рассказам самого Михаила Григорьевича, этого не скажешь: «Сидит такой человек с животом, пальцы как сосиски. Всем говорит «ты». Кроме Сталина. И Сталину тоже. Но ему – «ты, Иосиф». А остальным – просто «ты»: «Тэбэ переводим в Москву. Будешь строить большой циклотрон. Но ты понимаешь это поручение? Нет, я вижу, что ты не понимаешь. Ну так вот, если ты его не сделаешь, ты поймешь это на Колыме».

Кандидатура Мещерякова возникла не случайно: он был учеником Курчатова, перед войной вместе с Игорем Васильевичем приводел в чувство первый советский циклотрон (который был, к тому же, первым в Европе). 27 марта 1947 года он выехал «на объект». Через 30 лет он напишет: «Кругом стоял сырой, без каких-либо просветов лес... Группа геодезистов производила трассировку улиц будущего научного городка...»

Первый дубненский ускоритель был построен за два с половиной года. Пуск состоялся в декабре 1949-го, а в августе, четырьмя месяцами ранее, на полигоне под Семипалатинском была взорвана первая советская атомная бомба. МГ присутствовал на полигоне как руководитель измерительной группы, но главной его задачей было «методом прищуря», как он сам говорил, сравнить взрыв советской бомбы с американской. И когда ядерный гриб опал, Берия обратился к МГ: «Мещеряков, это похоже на то, что ты видел у американцев?» – «18 килотонн», – уверенно отвечал Михаил Григорьевич. Берия кинулся обнимать Курчатова: какое счастье, что получилось!

Вот такой парадокс: Дубна, город мирного атома, родилась в недрах атомного проекта и несколько лет была его составной частью. Хотя военные уже в 1949 году знали, что «овса не будет», что-то для бомбы нового поколения в Гидротехнической лаборатории делалось, а сама лаборатория до 1955 года оставалась секретной.

Александр Расторгуев, фото из семейного альбома Мещеряковых и архива ОИЯИ